

НАПУТНОЕ.

«Будеть ли, не будет ли когда напечатанъ сборникъ этотъ, съ которымъ собиратель пѣствовался вѣкъ свой, но, раставаясь съ нимъ, какъ бы съ дѣломъ конченнымъ, не хочется покинуть его, безъ напутнаго словечка.»

Вступленіе это написалось въ 1853 году, когда окончена была разборка пословицъ; пусть же оно остается и нынѣ, когда судьба сборника рѣшилась, и онъ напечатанъ.

По заведенному порядку, слѣдовало бы пуститься въ розыскъ: что такое пословица; откуда она взялась и къ чему пригодна; когда и какія изданія пословицъ у насъ выходили; каковы онѣ; какими источниками пользовался нынѣшній собиратель; ученія ссылки могли бы подкрасить дѣло, потому что, кажется, уже Аристотель далъ опредѣленіе пословицы.

Но, всего этого здѣсь найдется развѣ только весьма понемногу:

Ученыя опредѣленія нынѣ мало въ ходу, вѣкъ школярства прошель — хотя мы все еще не можемъ стряхнуть съ себя лохмотьевъ степенной хламиды его.

Времена, когда объясняли во введеніи пользу науки или знанія, коему книга посвящалась, также миновали; нынѣ вѣрятъ тому, что всякій добросовѣстный трудъ полезенъ, и что польза этой розказнями не подспоришь.

Ученые розыски, старина, сравненія съ другими славянскими наречіями — все это не по силамъ собирателю.

Разборъ и оцѣнка другихъ изданій, должна бы кончиться прямымъ или косвеннымъ, скромнымъ признаніемъ, что наше всѣхъ лучше.

Источниками же или запасомъ для сборника служили: два или три печатныхъ сборника прошлаго вѣка, собранія Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные съ разныхъ

сторонѣ и — главнѣйше — живой рускій языкъ, а болѣе речъ народа.

Ни въ какую старину я не вдавался, древнихъ рукописей не разбиралъ, а вошедшая въ этотъ сборникъ старина попала туда изъ печатныхъ же сборниковъ. Одну только старую рукопись я просматривалъ и взялъ изъ нея то, что могло бы и нынѣ итти за пословицу или поговорку: эта рукопись была подарена мнѣ Гр. Дм. Ник. Толстымъ, мною отдана М. П. Погодину, а оттуда она цѣликомъ напечатана, въ видѣ прибавленія, при сборникѣ пословицъ И. М. Снегирева.

При семъ случаѣ, я долженъ сказать душевное спасибо всѣмъ доброхотнымъ дателямъ, помощникамъ и пособникамъ; называть никого не смѣю, боясь, по замятованію, слишкомъ многихъ пропустить; но не могу не назвать съ признательностію: Гр. Дм. Н. Толстаго, И. П. Сахарова и И. М. Снегирева.

Когда сборникъ послѣдняго вышелъ, то мой былъ уже отчасти подобранъ; я сличилъ его изданіе со сборникомъ

Княжевича и попользовался тѣмъ, чего не было тамъ и не нашлось у меня, и что притомъ, по крайнему разумѣнію моему, можно и должно было принять.

Въ собраніи Княжевича (1822 года) всего 5300 (съ десятками) пословиць; къ нимъ прибавлено И. М. Снегиревымъ до 4000; изъ всего этого числа мною устранено вовсе, или не принято въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны, до 3500; вобщемъ же, изъ книгъ или печати, взято мною едва ли болѣе 6000, или около пятой доли моего сборника. Остальныя взяты изъ частныхъ записокъ и собраны по наслуху, въ устной бесѣдѣ.

При этомъ сличеніи и выборѣ, не разъ нападала на меня робость и сомнѣніе. Что ни говорите, а въ браковкѣ этой произвола не миновать, а упрека въ ней и подавно. Нельзя перепечатывать слѣпо всего того, что, подъ названіемъ пословиць, было напечатано; искаженія, то умничаньемъ, то

отъ недоразумѣній, то просто описками и опечатками, невмѣру безобразны. Въ иныхъ случаяхъ ошибки эти явны, и если такая пословица доставалась мнѣ въ подлинномъ видѣ своемъ, то поправка или выборъ не затрудняли; но бѣда та, что я не могъ ограничиться этими случаями, а долженъ былъ рѣшиться на чтонибудь и относительно тѣхъ тысячъ пословицъ, для исправленія коихъ у меня не было вѣрныхъ данныхъ: а выкинуть ихъ вонъ, не значило бы исправить.

Не понявъ пословицы, какъ это не рѣдко случается, считаешь ее бессмыслицею, полагаешь, что она придумана кѣмъ либо для шутокъ, или искажена неисправимо, и не рѣшаешься принять ее; анъ дѣло право, только смотри прямо. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ или открытій, поневолѣ оробѣешь, подумаешь: «Кто далъ тебѣ право выбирать и браковать? Гдѣ предѣль этой разборчивости? Вѣдь ты набираешь не цвѣтникъ, а сборникъ....» и начинаешь опять собирать и размѣщать все,

сподрядъ; пусть будетъ лишнее, пусть разсудятъ и разберутъ другіе; но тогда вдругъ натыкаешься на строчки въ родѣ слѣдующихъ:

Всѣмъ извѣстно, что лукавые живутъ лестно.

Въ суетахъ прошла година, завсегда была кручина.

Гдѣ любовь нелицемерная, тамъ надежда верная.

Роскошные и скупые мѣры довольства не знаютъ.

Гуляль младъ внизъ по Волгѣ, да набрель смерть близъ не
вдалече.

Прежде смерти не должно умирать и пр. и пр.

Что прикажете дѣлать съ подобными изреченіями кондитерской премудрости двадцатыхъ годовъ? Выкинуть; но ихъ—то и нашлось подъ другую тысячу, да столько жъ сомнительныхъ, съ коими не знаешь какъ и быть, чтобы не обвинили въ произволѣ. Посему—то, по затруднительности такой браковки, а частію

и просмотромъ — всякаго грѣха не упасешься — и въ этотъ сборникъ вошло много пустыхъ, искаженныхъ и сомнительныхъ пословицъ.

Относительно приличія, при браковкѣ пословицъ, я держался правила: все что можно читать вслухъ, въ обществѣ не извращеномъ чопорностію, ни излишнею догадливостію, а потому и обидчивостію, все это принимать въ свой сборникъ. Чистому все чисто. Самое кощунство, если бы оно гдѣ и встрѣтилось въ народныхъ поговоркахъ, не должно пугать насъ: мы собираемъ и читаемъ пословицы, не для одной только забавы, и не какъ наставленія нравственныя, а для изученія и розыска; посему, мы и хотимъ знать все, что есть. Замѣтимъ, впрочемъ, что рѣзкость или яркость и прямота выраженій, въ образахъ для насъ непривычныхъ, не всегда заключаетъ въ себѣ видимое нами въ этомъ неприличіе. Если мужикъ скажетъ: «Что тому богу молиться, который не милуетъ;» или: «Просиль святаго; пришло до слова просить клятаго;» то въ этомъ нѣтъ

кощунства, потому что здѣсь богами и святыми, для усиленія понятія, названы люди, поставленные ради святой, божеской правды, но творящіе противное, заставляя обиженнаго и угнетенаго искать защиты также путемъ неправды и подкупа. Самая пословица, поражая насъ сближеніемъ такихъ противоположностей, олицетворяетъ только крайность и невыносимость извращенаго состоянія, породившаго подобное изреченіе.

Что за пословицами и поговорками надо итти въ народъ, въ этомъ никто спорить не станетъ; въ образованомъ и просвѣщенномъ обществѣ пословицы нѣтъ; попадаютъ слабые, искалѣченные отголоски ихъ, переложеныя на наши нравы, или испошленныя нерусскимъ языкомъ, да плохіе переводы съ чужихъ языковъ. Готовыхъ пословицъ высшее общество не принимаетъ, потому что это картины чуждаго ему быта, да и не его языкъ; а своихъ не слагаетъ, можетъ быть изъ вѣжливости и свѣтскаго приличія: пословица колетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. И кто же станетъ поминать

въ хорошемъ обществѣ, борону, соху, ступу, лапти, а тѣмъ паче рубаху и подоплеку? А если замѣнить всѣ выраженія эти реченіями нашего быта, то какъ—то не выходитъ пословицы, а сочиняется пошлость, въ которой намекъ весь выходитъ наружу.

Какъ достояніе общенародное, какъ всемірный гражданинъ, просвѣщеніе и образованность проходятъ путь свой на глазъ, съ уровнемъ въ рукахъ, срывая кочки и бугры, заравнивая ямки и выбоины, и приводятъ все подъ одно полотно. У насъ же, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, просвѣщеніе — такое, какое есть — сдѣлалось гонителемъ всего роднаго и народнаго. Какъ, въ недавнее время еще, первымъ признакомъ притязанія на просвѣщеніе было бритіе бороды, такъ вообще избѣгалась и прямая русская речь, и все, что къ ней относится. Со временъ Ломоносова, съ первой растяжки и натяжки языка нашего по римской и германской колодкѣ, продолжаютъ трудъ этотъ съ насиліемъ, и все болѣе удаляются отъ истинаго духа

языка. Только въ самое послѣднее время стали догадываться, что насъ лѣшій обошелъ, что мы кружимъ и плуаемъ, сбившись съ пути, и зайдемъ невѣдомо куда. Съ одной стороны, ревнители готоваго чужаго, не считая нужнымъ изучить сперва свое, насильственно переносили къ намъ все, въ томъ видѣ, въ какомъ оно попадалось имъ на чужой почвѣ — гдѣ оно было выстрадано и выработано, тогда какъ тутъ могло приняться только заплатами и лоскомъ; съ другой, бездарность опошшила то, что, усердствуя, старалась внести изъ роднаго быта въ перчаточное сословіе. Съ одну сторону Черемиса, а съ другую берегися. Какъ бы то ни было, но изъ всего этого слѣдуетъ, что если не собрать и не сберечь народныхъ пословицъ вовремя, то онѣ, вытѣсняемая уровнемъ безличности и бесцвѣтности, стрижкою подъ гребенку, то есть, общенароднымъ просвѣщеніемъ, изникнуть, какъ родники въ засуху.

Простой народъ упорнѣе хранить и сберегаетъ исконный бытъ свой, и въ косности его есть и дурная, и хорошая

сторона. Отцы и дѣды, для него великое дѣло; не разъ ожегшись на молоко, онъ дуется и на воду, недовѣрчиво принимаетъ новизну, говоря: «Все по новому, да по новому — а когда же будетъ по доброму?» Онъ не охотно отступается отъ того, что безотчетно всосалъ съ матернимъ молокомъ, и что звучитъ въ мало натруженной головѣ его складною рѣчью. Ни чужіе языки, ни грамотическія умствованія не сбиваютъ его съ толку, и онъ говоритъ вѣрно, правильно, мѣтко и красно, самъ того не зная. Выскажу убѣжденіе свое прямо: словесная рѣчь человѣка — это даръ Божій, откровеніе: доколѣ человѣкъ живетъ въ простотѣ душевной, доколѣ у него умъ за разумъ не зашелъ, она проста, пряма и сильна; по мѣрѣ раздора сердца и думки, когда человѣкъ заумничается, речь эта принимаетъ болѣе искусственную постройку, въ общежитіи пошлѣетъ, а въ научномъ кругѣ получаетъ особое, условное значеніе. Пословицы и поговорки слагаются только въ пору первобытной простоты речи, и,

какъ отрасли близкія къ корню, стоятъ нашего изученія и памяти.

Нисходя къ просторечію, позволяя себѣ иногда высказаться пословицей, мы говоримъ: «Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.» Мы не придумали этого изреченія, а взявъ его въ народѣ, только немного исказили; народъ говоритъ правильнѣе и краше: «Десятью примѣрь, или прикинь, одна отрѣжь;» въ Питерѣ и табличку умноженія учатъ: два раза три, пять разъ шесть; въ школахъ нашихъ твердятъ: дважды три, а народъ говоритъ: двою;, трою;, или два на пять, три на шесть и пр. Поученіе: неразсудительный, опрометчивый трудъ часто бываетъ бесполезенъ никогда не выскажется у насъ подъ перомъ пословицей: «Крой, да пѣсни пой; станешь шить, наплачешься;» или: «Шей да пори, не будетъ глухой поры.» Можно ли складнѣе, ярче и короче выразить глубокую мысль, чѣмъ въ пословицѣ: «На смерть, что на солнце во всѣ глаза не взглянешь;» эта пословица наша досталась, не знаю какимъ

путемъ, Французу Larochefoucauld; въ ловкомъ переводѣ, она пошла у него за свою, и приводится въ примѣръ его ума и красноречія: *Le Soleil ni la mort ne peuvent Se regarder fixement* (MaximeS).

Мы, въ своемъ быту, придумываемъ только пословицы въ родѣ такихъ: «Козырка не портить; несчего ходить, такъ съ бубень; нечѣмъ бить, такъ кулакомъ;» да иногда переводимъ: «Лебединую пѣсню спѣть; между ними черная кошка пробѣжала; и въ солнцѣ есть пятна; пятое колесо; въ углу палка стоитъ, оттого на дворѣ дождь» и пр. Нравятся ли вамъ эти поговорки и эти переводы?

Но, мы не только сами не сочинимъ ни одной замѣчательной пословицы, а мы даже, какъ оказывается, плоховато понимаемъ готовыя. Это не разъ ставило меня въ тупикъ. На сколько нужно и должно объяснять и толковать пословицы? Непонятая, недоступная слушателю пословица — это соль, которая обуяла, и не солить; куда ее дѣвать? А толковать остроту или намекъ, который читатель и

самъ понимаетъ — пошло и приторно; толкованія эти и мѣста много займутъ, а книга выходитъ объемиста, тѣсно и безъ нихъ. Многія объясненія потребовали бы и ученыхъ справокъ, а на это нужно и знаніе, и источникъ, и время, словомъ, это отдѣльный и немаловажный трудъ. Самые читатели, какъ бы мало ихъ ни нашлось, также не одинаковы, у всякаго могутъ быть свои требованія — не солнце, на всѣхъ не угрѣешь.

Я ставилъ, и то уже во время sprawy печати, самое короткое толкованіе, указаніе, гдѣ могъ полагать, что это нужно для многихъ. Недавно еще мы видѣли тому примѣры, какъ странно и превратно иногда понимаются и толкуются, даже осуждаются, наши пословицы: «Отъ навалу люди разживаются», растолковано было: «отъ насильственной навязки кому товара»; а «Не выноси сору изъ избы», объявлена бессмыслицею, потому, что нельзя же, хоть изрѣдка, не выметать сору, и хороша—де будетъ изба, коли изъ нея никогда сору не выносить. Но навалъ понимается здѣсь въ

значеніи навала покупателей, а не товара; коли толпа, народъ, валить валомъ; разживаются отъ бойкаго сбыту, почему и бойкое, торное мѣсто купцу дорого, а насиженое на бою, куда заборщики валятъ по привычкѣ, вдвое дороже. Не выноси сору, какъ и всякая иная, неискаженная пословица, въ которой заключается притча, пряма и права, въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ: дѣло право, только гляди прямо. Въ переносномъ: не носи домашнихъ счетовъ въ люди, не сплетничай, не баламутъ; семейные дразги разберутся дома, коли не подъ однимъ тулупомъ, такъ подъ одной крышей. Въ прямомъ: у крестьянъ соръ никогда не выносится и не выметается на улицу; это, черезъ полуаршинные пороги, хлопотно, да притомъ, соръ стало бы разносить вѣтромъ и недобрый человекъ могъ бы, по сору, какъ по слѣду, или по слѣдку, наслатъ порчу. Соръ сметается въ кучку, подъ лавку, въ печной или стряпной уголъ; а когда затапливаютъ печь то его сжигаютъ. Когда сватѣбные гости, испытуютъ терпѣніе

невѣсты, заставляють ее мести избу и сорять вслѣдъ за нею, а она все опять подметааетъ, то они приговариваютъ: «Мети, мети, да избы не выноси, а сгребай подъ лавку, да клади въ печь, чтобъ дымомъ вынесло.»

«Нужда научить калачи ѣсть,» какъ притча, истолкована была вѣрно; нужда заставить работать, промыслять — «Голь мудрена, нужда на выдумки торовата» — она дастъ ума, и, коли не было ржаного хлѣба, доведетъ до того, что будетъ и пшеничный. Но есть тутъ и прямой смыслъ: Нужда домашняя заставить итти на заработки — «Промежь сохи и бороны не ухоронишься; ищи хлѣбъ дома, а подати на сторонѣ;» — куда? Первое дѣло, на Волгу, въ бурлаки; это и понынѣ еще статья, а до пароходства это былъ коренной, и притомъ разгульный, промыселъ десяти губерній; на Волгѣ же, миновавъ Самару, приходишь на калачъ (булка, пирогъ, калачъ, пшеничный хлѣбъ). Верховымъ бурлакамъ это вдиковину, и они-то, отцы и дѣды нынѣшнихъ, сложили эту пословицу.

По затѣйливости и обороту речи, на эту походить и другая: «Ѣшь пироги, а хлѣбъ впередъ береги;» казалось бы, надо сказать: «Ѣшь хлѣбъ, а пироги впередъ береги;» но пословица выражаетъ иное: живи привольно, коли можется, ѣшь и пироги, да съ расчетомъ: ѣшь ихъ такъ, чтобы хлѣба не заѣсть; «Брюхо злодѣй, стараго добра не помнитъ;» «Веди денежку про бѣлый (каждый) день, денежку про красный день (праздникъ), да денежку про черный день (про запасъ, на бѣду).»

«Неволя внизъ идетъ, кабала вверхъ»: тутъ речь все о той же матушкѣ Волгѣ и о бурлачествѣ, съ которымъ связана кабала, потому что задатки взяты впередъ, усланы домой въ оброкъ, а остатки пропиты. Неволя, то есть нужда, идетъ внизъ, по водѣ, искать работы; вверхъ, противъ воды, идетъ, или тянетъ лямкою, кабала. Въ прямомъ смыслѣ: холопъ или рабъ (неволя) ждетъ лучшаго, потому что худшаго ему нѣтъ, ждетъ милости и довѣрія за вѣрную службу свою: это у него впереди; кабальный же, все болѣе

путається, должаеть, наѣдаетъ и набираеть на себя новую кабалу, срокъ за срокомъ; кабала подымается, все усиливается и, въ старину, не рѣдко также кончалась холопствомъ.

Но изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что такія объясненія, если бы собирателя и достало на нихъ, потребовали бы нѣсколькихъ годовъ времени и еще ста листовъ печати.....

Замѣтимъ однако, при семъ случаѣ, что толковать и объяснять пословицы надо крайне осмотрительно, чтобы не обратить этого дѣла въ свою игрушку. Особенно опасно искать ученымъ взглядомъ, того, чего бы найти хотѣлось. Примѣненіе пословицъ къ событіямъ, даже къ личностямъ, по тезоименитству, ко древнимъ обычаямъ, къ сомнительному баснословію идолопоклонства и пр., оказывается, во многихъ случаяхъ, натяжною вображенія. Думаю, на примѣръ, что относить поговорки: «Лиса Патрикеевна», «Патрикей самъ третей,» къ литовскому князю Патрикю, а «Ѣдетъ

Ананьинъ внукъ изъ Великихъ Лукъ» къ новгородскому посаднику Ананью, ни на чемъ не основанный произволь, думаю даже, что «Врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ,» не касается синей молніи и перуна, а просто намекаетъ на синій кафтанъ, какъ на признакъ достатка, богатства; лукавый—де раставляетъ сѣти свои на всякаго, попадаетъ и синь кафтанъ. «Обреченая скотина не животина,» также едва ли говорится у насъ со временъ идольскихъ, не относится до обреченія ея на жертву богамъ, чему въ народѣ нигдѣ не осталось памяти; обреченая скотина та, которая судьбою обречена на смерть, не живучая, не долговѣчная; это обычное утѣшеніе и беззаботности, и упрямства, и беспомощности въ бѣдѣ: захилела скотина — покинь ее на волю Божью; коли ей жить, то будетъ жива, а коли обречена, то она не животина, не животь, не добро, не имущество тебѣ. Стараясь объяснять темныя пословицы и примѣнять ихъ къ тому быту, который на сей разъ у насъ передъ глазами, мы иногда

далеко сягаемъ и мудримъ, гдѣ ларчикъ открывается просто, безъ потайки. Къ этому надо прибавить, что у великорусовъ, противно малорусамъ, бытописательной памяти нѣтъ; у нихъ все ограничено насущнымъ и духовнымъ; старина остается въ памяти и передается, поколику она касается житейскаго быта; съ этого, для рускаго, прямой переходъ къ мыслямъ и бесѣдамъ о вѣчности, о Богѣ и небесахъ; всѣмъ прочимъ онъ, безъ сторонняго вліянія, не займется, развѣ только по особому поводу.

И такъ, признавая пословицу и поговорку за ходячую монету, очевидно, что надо итти по нихъ туда, гдѣ онѣ ходятъ; и этого убѣжденія я держался, въ теченіе десятковъ лѣтъ, записывая все, что удавалось перехватить на лету въ устной бесѣдѣ. Что собрано было напередъ меня, изъ того же источника, то я старался включить, но маловато рылся въ книгахъ и вѣроятно много опустилъ. Такъ, напримѣръ, я даже не справлялся съ небольшимъ, но весьма добросовѣстно

обработаннымъ сборникомъ Буслаева (Архивъ Калачева, 1854), который впервые увидѣлъ въ Москвѣ, въ апрелѣ 1860 года, когда уже половина моего сборника была напечатана. Многія изреченія писателей нашихъ, по краткости и мѣткости своей, стоятъ пословицы, и здѣсь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоѣдова; но я включалъ въ сборникъ свой тѣ только изъ этихъ изреченій, которыя случилось мнѣ слышать въ видѣ пословицъ, когда онѣ, принятыя въ устную речь, пошли ходить отдѣльно. И потому въ сборникъ моемъ есть книжныя пословицы, но я ихъ бралъ не изъ книгъ, развѣ когда онѣ уже прежде попали въ подобные сборники, и, для полноты, перешли и въ мой. Есть у меня и переводныя — что замѣчено было въ видѣ упрека — но я ихъ не переводилъ, а принялъ, потому что онѣ говорятся; есть искаженныя, переиначенныя, но я ихъ не искажалъ, а слышалъ, или получилъ въ этомъ видѣ; есть реченія изъ Св. Писанія, и онѣ даже большею частію переиначены — но онѣ взяты мною не оттуда, и передѣланы

не мною, а такъ онѣ говорятся; есть пошлыя, суевѣрныя, кощунныя, лжемудрыя, изувѣрныя, вздорныя — но я ихъ не сочинялъ; моя задача была: собрать въ возможной полнотѣ все то, что есть, и каково оно есть, какъ запасъ, для дальнѣйшей разработки, и для какихъ кому угодно выводовъ и заключеній. Скажутъ: тутъ много лишняго хламу; правда; но того, что выкинуто, никто не видитъ, а гдѣ мѣрило на эту браковку и какъ поручиться, что не выкинешь того, что могло бы остаться? Изъ просторнаго убавить можно; набрать изъ сборника цвѣтникъ, по своему вкусу, не мудрено; а что пропустишь, то воротить труднѣе. Окоротишь — не воротишь. Притомъ, у меня въ виду былъ языкъ; одинъ оборотъ речи, одно слово, съ перваго взгляда не всякому замѣтное, иногда заставляли меня сохранить самую вздорную поговорку.

Укорь самый обычный, и притомъ самый легкій, бываетъ тотъ, что—де пословица эта не вѣрно записана, она говорится не такъ, а эдакъ. Бесспорно есть

случаи, гдѣ такое замѣчаніе право и заслуживаетъ спасибо; но вѣдь каждая пословица говорится на нѣсколько ладовъ, особенно въ случаѣ приложенія ея къ дѣлу; надо жъ было выбрать одинъ, два, много три разноречія, а всѣхъ не соберешь, да и надоѣшь ими до скуки.

Гдѣ только я могъ вѣрно добратся до кореннаго оборота и указать на искаженія, тамъ я это дѣлалъ, хотя въ самыхъ краткихъ замѣткахъ. Вотъ примѣры: «Не до обѣдни, коли много бредни;» здѣсь бредни попало, по недоразумѣнію, вмѣсто обрядни, слова сѣвернаго, которое произносится тамъ: обредни, и значитъ: бабій обиходъ въ домѣ,стряпня, хозяйство у печи; это видно изъ дружки этой пословицы: «Либо къ обѣднѣ ходить, либо обрядню водить.» Другая: «Намъ не гоже, вотъ тебѣ Боже;» эта, повидимому подтверждается другою: «Что дьякону не мило, то попу въ кадило;» но первая вышла съ юга, она малорусская, не понята у насъ и потому искажена: «Намъ не гоже, отъ тоби небоже;» вотъ тебѣ небога, небоже; у этого

слова много значеній: бѣднякъ, убогій, нищій, калѣка, юродивый; несчастный, о комъ соболѣзнують, близкій, родичъ, племяшъ; эта пословица отвѣчаетъ нашей: «Удобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговѣнье всѣ щи выхлебать.» Пословица: «Не у дѣтей, или не при дѣтяхъ, не на дѣтяхъ, и сидни въ честь,» говорится различно и переиначивается отъ непонятія: кому Богъ дѣтей не далъ, или у кого они мрутъ младенцами (у кого дѣти не стоятъ), тотъ радъ бы и сидню, и безногому, калѣкѣ; на безлюдьи и сидни вчесть: вѣдь и Илья Муромецъ былъ сидень. Не понявъ этого, и отнеся честь, почетъ, къ слову дѣти, чѣмъ пословицу и лишили смысла, поправили дѣло, обративъ сидни въ сѣдни, въ старца съ сѣдиною, и сдѣлавъ изъ этого: «Не у дѣтей и сѣдни въ чести,» то есть, взрослый, разумный человѣкъ уважаетъ стариковъ.

Такимъ образомъ одно слово не рѣдко придаетъ пословицѣ иной смыслъ, и если вы слышали ее на одинъ ладъ, а я на другой, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что

вы ее слышали правѣе, а и того менѣе, чтобы я самъ ее передѣлалъ. Возмемъ примѣръ такого рода, гдѣ, не только мы съ вами, но еще двое собесѣдниковъ, говорятъ одну и ту же пословицу, каждый на свой ладь, и всѣ четверо будутъ правы: «Старую собаку не волкомъ звать,» за то, что она устарѣла, не годна болѣе, не считать ее за волка, не обходиться, какъ со врагомъ; «Попову собаку не волкомъ звать,» какъ ни надоѣлъ попъ жадностію и прижимками своими, да не глядѣть же на собаку его, какъ на волка, она ни въ чемъ не виновата; «Старую собаку не батькой звать,» не отцомъ: отвѣтъ на требованіе уважать старика, не по заслугамъ; старъ песъ, да не отцомъ же его за это почитать; «Попову собаку не батькой звать,» отвѣтъ на требованіе уваженія къ людямъ случайнымъ; что ни толкуй, объ уваженіи къ батькѣ, къ попу, да песъ его не батька; въ этомъ видѣ пословица часто примѣняется къ любимцамъ барскимъ, изъ дворни. Такихъ примѣровъ можно бы привести много: которое, ихъ четырехъ

разноречій этихъ, ни выбрать, все можно сказать: нѣтъ, она не такъ говорится!

Замѣчу здѣсь, что старинные списки и сборники пословицъ далеко не всегда могутъ служить образцами, и нисколько не доказываютъ, чтобы пословица была въ ходу отъ слова до слова, какъ она написана. Старички мудровали въ этомъ дѣлѣ, не хуже нашего, желая поправить пословицу, придать ей писменный видъ, и какъ само собою разумѣется, впадали черезъ это въ пошлость. Примѣровъ этому очень много. Въ Погодинск. Сборн. 1714 года, читаемъ мы: «Будучи на чужой сторонѣ, надобно голову уклонну, а сердце покорно имѣть.» Не очевидно ли тутъ умничанье и передѣлка? Понынѣ говорится: «Держи голову уклонну (или поклонну), а сердце покорно;» если примѣнить это къ чужбинѣ, то можно начать словами: на чужбинѣ, на чужой сторонѣ, не измѣняя за тѣмъ ни слова; здѣсь же, все остальное прибавлено записчикомъ, особенно слова: будучи, надобно, имѣть.

Въ Архивн. Сборн. XVII вѣка: «Гуляль младъ внизъ по Волгѣ, да набрель смерть близъ невдолгѣ,» или, какъ поправлено у Снегирева: «невдалече;» неужели это пословица, поговорка, или что нибудь на то похожее? Въ Архивномъ же: «Денегъ нѣтъ, на палати прѣтъ;» эта и понынѣ въ ходу, и говорится о пьяницѣ, который сидитъ смирно дома, даже прячется, коли пить не начто; но вмѣсто прѣтъ, надо читать претъ: «Какъ денегъ нѣтъ, такъ на полати претъ,» т. е., лѣзетъ, и лежитъ смирно. Тамъ же, пословица: «У стараго душа не вынута, у молодаго не запечатана,» переиначена не къ лучшему: «До смерти, у живыхъ, у старыхъ, душа не вынета, а у молодыхъ не запечатана.»

Въ Погодинскомъ 1770 г.: «Ково сѣдина украшаетъ, тово больше бѣсъ уловляетъ;» неужто это могла быть ходячею пословицей? Это сочиненіе собирателя, не образецъ: «Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.»

Въ Сборн. Янькова 1744 г.: «Кумища, сватища — простишься, хватишься;» это

уже ни на что не похоже; пусть бы кто понялъ эту чепуху, въ которой, изъ четырехъ словъ, нѣтъ ни одного вѣрнаго, а потому и нѣтъ никакого смысла. Очевидно, это искаженіе пословицы, живущей и донынѣ въ народѣ: «Кумишься, сватаешься — проспидься, спохватишься.» Такихъ примѣровъ можно бы набрать очень много; привожу ихъ въ доказательство, что во всѣ времена бывали бестолковые переписчики и даже собиратели, которые умничали, и что, ссылаясь на старинныя рукописи, не всегда можно исправлять новыхъ собирателей.

Сборнику моему суждено было пройти много мытарствъ, задолго до печати (въ 1853 г.), и притомъ, безъ малѣйшаго искательства съ моей стороны, а по просвѣщенному участию и настоянію особы, на которую не смѣю и намекнуть, не зная, будетъ ли это угодно. Но люди, и притомъ люди ученые по званію, признавъ изданіе сборника вреднымъ, даже опаснымъ, сочли долгомъ выставить и другіе недостатки его, между прочимъ, такими

словами: «Замѣчая и подслушивая говоры (?) народные, г. Даль видно не скоро ихъ записывалъ, а вносилъ послѣ, какъ могъ припомнить, отъ того у него рѣдкая (?) пословица такъ записана, какъ она говорится въ народѣ. Большая часть (?) ихъ замѣчены такъ, какъ слѣдующія: у него написано: Эту бѣду я бобами разведу, а пословица гласитъ такъ: Чужую бѣду бобами разведу, а къ своей ума не приберу.»

Но у меня были обѣ пословицы, только каждая на своемъ мѣстѣ, потому что смыслъ ихъ не одинъ и тотъ же; да вмѣсто приберу, у меня написано приложу, что я и понынѣ считаю вѣрнымъ. «Эту бѣду я бобами, или на бобахъ разведу:» бѣда не велика, влѣзетъ въ ворота, отворожиться или отдѣлаться можно. «Чужую бѣду на бобахъ разведу, а къ своей ума не приложу» — совсѣмъ другое; это значить: чужое горе заспать можно, чужое горе съ хлѣбомъ съѣмъ, чужая болячка въ боку не киснетъ, а своя болячка великъ желвакъ и пр.

Далѣе: «У него написано: Суди Богъ волю свою, а пословица гласить: Твори Богъ волю свою.» Что послѣдняя говорится, въ этомъ нѣтъ спору, и если ея у меня не было, то можно было указать на пропускъ; но первая также говорится: «Суди Богъ волю свою,» значить, что болѣе судить ее некому, не намъ ее пересуживать, а должно ей безъ ропоту покориться; или, принявъ судить, по старинному значенію, за присуждать, творить судъ, суди Богъ волю свою значить: твори, присуждай по волѣ своей.

Всего, въ доказательство, что рѣдкая пословица у меня вѣрно записана, и что большая часть ихъ замѣчены ошибочно, праведные судьи мои приводятъ три примѣра, то есть, по одному на каждые десять тысячъ, и третій самый замѣчательный: «Таже невѣрность и въ сборѣ (?) прибаутокъ и пустоговорокъ; приведу въ примѣръ одну: у него написано: Не для чего чего инаго, какъ прочаго такого; эта пустоговорка въ народѣ выражается (почему же гласить?)

такъ: Не для чего инаго, какъ лишь для прочаго такого; а если лучше чего, такъ больше ничего; вотъ только и всего.»

Да, кажется, что только и всего.....

Какъ бы то ни было, но независимо отъ такой невѣрности въ пословицахъ моихъ, доказаной тремя приведенными здѣсь примѣрами, нашли, что сборникъ этотъ и небезопасенъ, посягая на развращеніе нравовъ. Для большей вразумительности этой истины и для охраненія нравовъ отъ угрожающаго имъ развращенія, придумана и написана была, въ отчетѣ, новая руская пословица, не совсѣмъ складная, но за то ясная по цѣли: «Это куль муки и щепоть мышьяку,» такъ сказано было въ приговорѣ о сборникѣ этомъ, и къ сему еще прибавлено: «Домогаясь напечатать памятники народныхъ глупостей, г. Даль домогается дать имъ печатный авторитетъ»..... къ опаснымъ же для нравственности и набожности народной мѣстамъ отнесены, между прочимъ,

слѣдующія изреченія: «Благословясь не грѣхъ; Середа да Пятница хозяину въ домѣ не укащица;» и пр.

Упомянуть ли еще, послѣ этого, что рука обруку съ сочинителями пословицы о мышьякѣ, шло и заключеніе цѣнителя присяжнаго, къ которому сборникъ мой попалъ также безъ моего участія, и что тамъ находили непозволительнымъ сближеніе сподрядъ пословицъ или поговорокъ: «У него руки долги (власти много),» и «У него руки длинны (онъ воръ)?» И тутъ, какъ тамъ, требовали поправокъ и измѣненій въ пословицахъ, да сверхъ того, исключеній, которыя «могутъ составить болѣе четверти рукописи...?»

Я отвѣтилъ въ то время: «Не знаю, въ какой мѣрѣ сборникъ мой могъ бы быть вреденъ или опасенъ для другихъ, но убѣждаюсь, что онъ могъ бы сдѣлаться не безопаснымъ для меня. Если же, впрочемъ, онъ могъ побудить столь почтенное лицо, члена высшаго ученаго братства, къ сочиненію уголовной пословицы, то очевидно развращаетъ нравы; остается

положить его на костеръ и сжечь; я же прошу позабыть, что сборникъ былъ представленъ, тѣмъ болѣе, что это сдѣлано не мною.»

Ради правды, я обязанъ сказать, что мнѣніе противоположное всему этому было высказано въ то время просвѣщеннымъ сановникомъ, завѣдывавшимъ Публичною Библиотекою.

Высказываю все это не какъ жалобу и обличеніе, а во первыхъ, какъ оправданіе, почему я не издалъ пословицъ ранѣе нынѣшняго, во вторыхъ, для объясненія современнаго намъ быта. Не поглядѣвши въ зеркало, самъ себя въ лицо не знаешь. Притомъ, мнѣ кажется, гдѣ речь идетъ о данныхъ для будущей исторіи нашего просвѣщенія, тамъ всякій обязанъ говорить то, на что у него есть въ рукахъ доказательства.

Въ сборникъ этотъ вошли, кромѣ пословицъ, пословичныя изреченія, поговорки, присловья, скоро(чисто)говорки, прибаутки, загадки, повѣрья, примѣты, суевѣрья, и много

реченій, коимъ не сумѣю дать общей клички, даже простые обороты речи, условно вошедшіе въ употребленіе.

Объ этомъ ученые цѣнители рукописи, успѣшно настоявшіе на томъ, чтобы она осталась еще на восемь лѣтъ подъ спудомъ, были такого мнѣнія: «Очень жаль, что все это совокуплено въ одну книгу; черезъ это онъ (собиратель) смѣшалъ назиданіе съ развращеніемъ, вѣру со лжевѣріемъ и безвѣріемъ, мудрость съ глупостію, и такимъ образомъ свой сборникъ много уронилъ.... Очевидно, что и честь издателя, и польза читателей, и самое благоразуміе требовали бы, два толстые фоліанта разбить на нѣсколько книгъ, и въ нихъ отдѣльно напечатать: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, примѣты и пр.» Доводы эти меня не убѣдили; всего же менѣе понимаю, какимъ образомъ опасность отравы уменьшилась бы такимъ раздробленіемъ цѣлаго на части; развѣ приученіемъ къ яду исподоволь? Въ этомъ сборникѣ, который не есть катихизисъ нравственности, ниже наказъ обычаямъ и

общежитію, именно должны сойтись народная премудрость съ народною глупостію, умъ съ пошлостію, добро со зломъ, истина съ ложью; человѣкъ долженъ явиться здѣсь такимъ, каковъ онъ вообще, на всемъ земномъ шарѣ, и каковъ онъ въ частности, въ нашемъ народѣ; что худо, того бѣгай; что добро, тому слѣдуй; но не прячь, не скрывай, ни добра, ни худа, а покажи, что есть.

Но назвавъ пословицу, поговорку, присловье и пр., я таки пришелъ въ тотъ тупикъ, изъ котораго не выльзть, не объяснивъ, что именно я подъ этими названіями разумѣю, или какъ понимаетъ ихъ народъ.

Пословица — коротенькая притча; сама же она говоритъ, что «Голая речь не пословица.» Это сужденіе, приговоръ, поученіе, высказанное обинякомъ и пущеное въ оборотъ, подъ чеканомъ народности. Пословица — обинякъ, съ приложеніемъ къ дѣлу, понятый и принятый всѣми. Но «Одна речь не пословица:» какъ всякая притча, полная пословица состоитъ изъ

двухъ частей: изъ обиняка, картины, общаго сужденія, и изъ приложенія, толкованія, поученія; не рѣдко однако же вторая часть опускается, предоставляется смѣтливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь отъ поговорки. Вотъ примѣры полныхъ пословиць: «Во времени пождать, у Бога есть что подать;» «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла;» «Лазилъ чертъ за облаками, да оборвался;» «Нѣтъ въ тебѣ, такъ не ищи на селѣ» и пр.

При такомъ понятіи о пословицѣ, мы должны согласиться, что она не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельствъ, какъ крикъ или возгласъ, неволью сорвавшійся съ души; это цѣлыя изреченія, сбитыя въ одинъ комъ, въ одно междометье. Сборникъ же пословиць — сводъ народной опытной премудрости и суемудрія; это стоны и вздохи, плачь и рыданія, радость и веселіе, горе и утѣшеніе въ лицахъ, это цвѣтъ народнаго ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебникъ, никѣмъ не судимый. «Что не болитъ, то и не плачетъ;» что не дошло до

народа, не касалось житья бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того въ пословицахъ нѣтъ; что впуталось, добромъ либо лихомъ, въ быть его, то найдете и въ пословицѣ. А чтобы распознать это и дойти до вѣрныхъ посему заключеній о бытѣ народномъ, нуженъ не цвѣтникъ пословицъ, не выборка того, что намъ нравно, а полный сборникъ, хотя бы цѣлая четверть его, какъ помянуто выше, и не приходилась по нашему вкусу. «Вкраснѣ и всякъ насъ полюбить, а полюби ка вчернѣ!»

«Отъ пословицы нѣтъ взносу,» «ее обжаловать нельзя,» приговоръ ея не отразимъ; всѣ крайности сходятся, и потому «На пословицу, что на дурака, и суда нѣтъ;» «Отъ пословицы не уйдешь,» «Пословица ведется, какъ изба вѣникомъ метется»; «И на твою честь пословица есть,» «И на нашу спесь пословица есть;» но «Пень не околица, а глупая речь не пословица;» да и «Не всякая пословица при всякомъ молвится»: «Иная пословица не для Ивана Петровича.» Кто ее сочинилъ — не вѣдомо никому; но всѣ ее знаютъ и ей

покоряются. Это сочиненіе и достояніе общее, какъ и самая радость и горе, какъ выстраданная цѣлымъ поколѣніемъ опытная мудрость, высказавшаяся такимъ приговоромъ. Сочиненая же, тогда только становится пословицею, когда пошла въ ходъ, принята и усвоена всѣми.

Дѣленіе пословиць на древнія и новыя, на общія и частныя, общія жъ и мѣстныя, на историческія, политическія, юридическія и пр. примѣнимо только къ небольшому числу, на выборъ, да и можетъ быть толково только при особой цѣли разработки. Но и тутъ не обережешься натяжки; всѣ народныя пословицы сложились въ быту житейскомъ, и примѣненіе ихъ крайне разнообразно. Дѣлить на разряды можно ихъ, по смыслу иносказанія, о чемъ болѣе поговоримъ ниже.

Пословичнымъ изреченіемъ назовемъ такое, которое вошло, въ видѣ пословицы, въ бесѣду нашу, хотя и не заключаетъ въ себѣ никакой притчи, иносказанія, обиняка; на примѣръ, два

изреченія, о коихъ у насъ была речъ: Твори Богъ волю свою и Суди Богъ волю свою; это не пословицы, и не поговорки, а пословичныя речи, изреченія. Вѣрной и рѣзкой границы и здѣсь протянуть нельзя; въ строгомъ же смыслѣ, въ разрядъ этотъ перешло бы весьма много пословицъ.

Поговорка, по народному жъ опредѣленію, цвѣточекъ, а пословица ягодка; и это вѣрно. Поговорка — окольное выраженіе, переносная речъ, простое иносказаніе, обинякъ, способъ выраженія — но безъ притчи, безъ сужденія, заключенія, примѣненія; это одна первая половина пословицы. Поговорка замѣняетъ только прямую речъ окольною, не договариваетъ, иногда и не называетъ вещи, но, условно, весьма ясно намекаетъ. Она не говоритъ: онъ пьянъ; а скажетъ: «У него въ глазахъ двоится, онъ навеселѣ, языкъ лыка не вяжетъ, онъ не свиснетъ, онъ закатилъ за воротъ, онъ по одной половицѣ не пройдетъ, онъ мыслете пишетъ» и пр.

Вмѣсто: онъ глупъ, она говоритъ: «У него не всѣ дома, одной клепки нѣтъ, онъ на цвѣту прибить, трехъ не перечтеть; подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не посѣяно» и пр. Замѣсть ровни, дружки, говоритъ она: «Одного поля ягода, одного сукна епанча, одной руки пальцы» и пр. Выражая, на примѣръ, общее понятіе одиночества, поговорка различаетъ состояніе это, по всѣмъ его отношеніямъ: «Одинъ какъ верста въ полѣ; одинъ, какъ маковъ цвѣтъ; одинъ, какъ золотъ перстень; одинъ, какъ персть; какъ порохъ въ глазу; одинъ, какъ бухалень (какъ выпь на болотѣ), какъ медвѣдь въ берлогѣ» и пр., посему поговорка иногда весьма близка къ пословицѣ: стоитъ прибавить лишь одно словечко, или сдѣлать перестановку, и изъ поговорки вышла пословица. «Онъ сваливаетъ съ больной головы на здоровую,» «Онъ чужими руками жаръ загребаетъ,» поговорки; та и другая говоритъ только, что это самотникъ, который заботится о себѣ, не щадя другихъ. Но скажите: «Чужими руками

жарь загребать легко;» «Сваливать съ больной головы на здоровую не накладно;» «Одного сукна епанча не рознится;» «Одной руки пальцы, и кость одна» и пр., и все это будутъ пословицы, заключаая въ себѣ полную притчу.

Приговорка или пустоговорка, которую также иногда зовутъ поговоркой, это изреченіе, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, безъ большаго толку и значенія, а по мѣстной или личной привычкѣ: говорить, взялъ, взявши; очень хорошо это самое дѣло; тово—воно какъ оно; въ сказкахъ, такихъ условныхъ приговорокъ много: «Скоро сказка сказуется, не скоро дѣло дѣлается;» «Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли;» «За тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ» и пр. Какъ простыя, такъ и сказочныя пустоговорки иногда обращаются въ пословицу, заключаая въ себѣ условный смыслъ; на прим.: «Я бы и тово, да вишь, жена—то не тово; ну, ужъ и я растово;» о пустомъ, грозномъ начальникѣ:

«Проскакаль, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго;» о строгости и непотачкѣ кому: «Онѣ тише воды, ниже травы сталь» и пр. Съ другаго конца, переходя въ наборъ складныхъ словъ, приговорки сливаются съ прибаутками.

Присловье весьма близко къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ цѣлой мѣстности, коей жителей дразнятъ, бранятъ, или чествуютъ приложеннымъ къ нимъ присловьемъ. Оно иногда состоитъ въ одномъ только словѣ: «Рязанцы, синебрюхіе;» «Ярославцы, бѣлотѣльцы;» «Вятчи, слѣпороды;» иногда же въ цѣломъ изреченіи, прибауткѣ, прибасенкѣ: «Пенжане свою ворону въ Москвѣ узнали;» «Ты чей, молодець? Зубчевскій купечь. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ.» Послѣднее присловье уже весьма близко къ пословицѣ, а другимъ придано и вовсе пословичное значеніе: «Чухломскій рукосуй: рукавицы запоясомъ, а другихъ ищетъ.» Присловье: «Бѣжечане и колокольню рожкомъ подбили,» встряхивая объ нее мимоходомъ табакъ, иногда

употребляется въ томъ же значеніи, какъ:
«Капля камень долбитъ.»

Скороговорка, чистоговорка, слагается для упражненія въ скоромъ и чистомъ произношеніи, почему въ ней сталкиваются звуки, затрудняющіе быстрый говоръ; но многіе чистобайки заключаютъ въ себѣ также пословицу: «Нашего пономаря не перепонамаривать стать,» челоуѣка не передѣлаешь; «Рапортоваль, да не дорапортоваль, а сталь дорапортовывать, зарапортовался,» все невпопадъ, неудачно; «Стоить попъ на копнѣ, колпакъ на попѣ, копна подъ попомъ, попъ подъ колпакомъ,» т. е., все одно и то же.

Загадки всякому извѣстны; допустивъ все остальное, казалось, не слѣдовало исключать изъ этого сборника и ихъ, потому что это такія жъ короткія изреченія, то довольно пошлыя и ничтожныя, то замысловатыя, со своеобычнымъ взглядомъ на вещи. Но и загадки иногда переходятъ въ пословицы, становясь и тѣмъ и другимъ: «Ничего не болитъ, а все стонетъ;»

пословично, говорится это о ханжѣ и попрошайкѣ; а какъ загадка, это свинья. «Хорошая жена метла, и худая жена метла;» одна мететъ въ домъ, копить, другая изъ дому, мотаетъ. «Кабы у Цыгана напередѣ, что у мужика назади, такъ съ нимъ бы и ладовъ не было;» умь. «Иная вода стоитъ крови;» слеза.

Прибаутка, пустобайка, не совсѣмъ ясно, или неодинаково, опредѣляется; самое названіе, пустобайка, показываетъ, что она можетъ быть иногда и то же, что пустоговорка, а объ острякѣ своего рода говорятъ, что онъ знаетъ много прибаутокъ. Иные называютъ такъ цѣлый рядъ поговорокъ и приговорокъ, сложенныхъ складно, безъ большаго смысла; сюда относятся ямскія прибаутки также сбитенщиковъ — коихъ теперь уже почти не стало — пирожниковъ и пр. Эти прибаутки также не рѣдко переходятъ въ пословицы: «По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь: а кромѣ коренной, нѣтъ ни одной;» «Лошади чужія, кнутъ не свой — погоняй, не стой;» «Ешь пироги, а хлѣбъ впередъ береги;»

«Поливай, кубышка, не жалѣй хозяйского добришка» и пр. Прибауткою жъ называютъ сказочныя прикрасы: «Не по днямъ, по часамъ растеть, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ;» «Конь бѣжитъ, земля дрожить: полымя изъ ноздрей, хвостомъ слѣдъ устиляетъ долы, рѣки промежъ ногъ пускаетъ» и пр. И эта болтовня принимаетъ иногда пословичное значеніе, если примѣняется къ какому либо извѣстному случаю. Прибаутками, байками, присказками, называютъ и поговорки и пословицы, вовсе непонятныя, если не знаешь прибаски, отъ которой онѣ вышли; и эти то прибаутки ни какъ нельзя отдѣлить отъ пословицъ. Иныя, понятны по себѣ: «Тить, пойдѣмъ молотить! Брюхо болитъ. Тить, поди кисель ѣсть! А гдѣ моя большая ложка?» «Кто укралъ пирожокъ? Не я. А кому дать еще? Мнѣ». «Жена, а жена, любишь ли меня? Аль не любишь? Да. Что, да? Ничего.» Другія требуютъ объясненій: «Хорошо—то медъ съ калачемъ;» къ этому прибавляютъ: «А ты ѣдалъ? Нѣтъ не ѣдалъ; да лѣтось братъ въ городѣ былъ, такъ

видѣль, какъ люди ѣдятъ.» «Знаешь толкъ какъ слѣпой въ молоко?»: вожакъ покинулъ на время слѣпаго; гдѣ былъ? Да вотъ, молока похлебаль. А что такое молоко? Бѣлое, да сладкое. А какое такое бѣлое? Какъ гусь. А какой же гусь? Вожакъ согнулъ локоть и кисть клюкою, и далъ ему пощупать: вотъ какой. А, знаю; и по этому слѣпой поняль, какое бываетъ молоко. Сюда же относятся: «Такъ то такъ, да вонъ то какъ;» «Слава Богу, лапотъ поспѣль;» «Еще одинъ казакъ остался;» «Радуга ушатъ воды вышила;» «Попаль, какъ чортъ въ рукомойникъ» и пр. Къ прибауткамъ же можно причестъ и поговорки, иногда пословичныя, съ обоюднымъ смысломъ, игру словъ: «Я въ лѣсъ (влѣзь), и онъ въ лѣсъ; я за вязъ (завязъ), и онъ за вязъ.»

Пословичныя поговорки о примѣтахъ, повѣрьяхъ, житейскія и хозяйскія правила, одѣтыя, для памяти, въ такую жъ одежду, куда входитъ и народный мѣсяцесловъ — гдѣ каждому, чѣмъ нибудь замѣчательному въ быту народномъ, дню дано свое названіе и приложены разныя поговорки, правила,

изреченія — все это, на сколько удалось мнѣ собрать, также вошло въ сборникъ. Божба, проклятія, пожеланія, привѣты, высказанія въ видѣ поговорокъ, отчасти включены сюда же, но ихъ набралось не много, какъ вообще нѣкоторыя разряды у меня очень не полны и вся надежда на будущихъ собирателей. Рускія застольныя, задравныя пожеланія, что нынѣ тосты, частію старинныя, частію извѣстныя и по нынѣ въ купеческомъ кругу, по задушьямъ, очень хороши, но и ихъ у меня набралось не много, а желательно бы собрать и сохранить ихъ побольше.

Въ пословицѣ можно различать одежду внутреннюю и внѣшнюю; первая относится къ риторикѣ, вторая до грамматики и просодіи. Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословицъ, но должна бы быть по нимъ, во многихъ частяхъ своихъ, вновь переверстана. Частое непониманіе нами пословицы основано именно на незнаніи языка, тѣхъ простыхъ, сильныхъ и краткихъ оборотовъ речи, которые исподволь утрачиваются и

вытѣсняются изъ писменнаго языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводовъ, съ языками западными. Кто бы взялся рассмотретьъ пословицы и поговорки въ этомъ отношеніи, тотъ написалъ бы претолстую и преполезную книгу.

Пословица большею частію является въ мѣрномъ или складномъ видѣ: рѣдко правильнымъ метрическимъ стихомъ, то есть, со счетомъ долгихъ и короткихъ слоговъ, потому что такой размѣръ народному языку вообще чуждъ; еще рѣже, и кажется только случайно, найдется размѣръ силабическій, т. е., простой счетъ слоговъ, дѣло, намъ вовсе чужое; но весьма часто въ русскомъ размѣрѣ, въ тоническомъ, какъ пѣсенномъ, съ извѣстнымъ числомъ протяжныхъ удареній въ стихѣ, такъ и сказочномъ, съ рифмою или краснымъ складомъ.

Богдановичъ, перекладывавшій пословицы, по тогдашнимъ понятіямъ, въ приличные стихи, то есть, искажавшій ихъ такъ, что онѣ становились никуда не годными, переложилъ однако съ пятокъ,

изъ числа одной тысячи, такъ удачно, что онѣ могутъ итти заурядъ съ народными; на прим.: «Не бесчести въ загоняхъ добра молодца: загоняешь и волка, такъ будетъ овца.» Но, кажется, что онѣ только составилъ кстати одну пословицу изъ двухъ готовыхъ; по крайней мѣрѣ вторая половина говорится точно въ этомъ видѣ, въ правильномъ метрическомъ размѣрѣ U U — двухъ короткихъ и одного долгаго слога; этотъ размѣръ гораздо свойственнѣе языку нашему, чѣмъ чистые ямбы и хорей, потому что онѣ обилуетъ короткими слогами. Есть даже очень много пословицъ, въ размѣрѣ, еще болѣе богатомъ короткими слогами; не утверждаю, чтобы тутъ былъ умыселъ, чтобы пословицы эти сознательно были по довольно сложному метрическому размѣру; но чуткое и памятливое на пѣвучесть, складъ, удареніе и созвучіе ухо, вылило ихъ въ этомъ пѣвучемъ видѣ и безсознательно соблюло правильную и точную мѣру. Упоминаю объ этомъ потому, какъ сейчасъ сказалъ, что языку нашему эти размѣры гораздо сподручнѣе, между

тѣмъ какъ поэты небрегутъ такую особеностію языка, и ямбы съ хорями, всѣми натяжками и неправдами, остаются у насъ господствующими размѣрами. Говорю: съ натяжками и неправдами, потому что у первыхъ поэтовъ нашихъ натяжки эти попадаютъ сплошь и рядомъ, да онѣ и неизбѣжны, на языкѣ, въ которомъ короткій слогъ весьма рѣдко чередуется съ долгимъ чрезъ одинъ.

Возмемъ два—три примѣра: Богъ не поберегъ, вдоль и поперекъ (—UUU—
UUU—); по три короткихъ, межъ двухъ долгихъ, а размѣръ хорошъ. Рано встала, да мало напяла (—U—UU—UU—U); по долгому съ короткимъ на концахъ, а двѣ среднія стопы, долгій съ двумя короткими. Хоть вдвое, хоть втрое, не споро худое (U—
UU—UU—UU—U); по одному долгому, межъ двухъ короткихъ. Всякая небылица въ три года пригодится (—UUUU—UU—
UUU—U); На всякаго мірянина по семи жидовинъ (U—UUUU—UUU—UU—); въ этихъ двухъ пословицахъ, въ сущности

тоническихъ, метрической счетъ однако показываетъ вотъ какія особенности: первая начинается долгимъ, вторая короткимъ слогомъ, въ обѣихъ по четыре стопы: одинъ долгій съ однимъ короткимъ, долгій съ двумя, съ тремя, и съ четырьмя короткими. Въ слѣдующей, замѣчательная, весьма складная смѣсь анапеста и дактиля; одинъ только короткій слогъ, во второмъ стихѣ, будто лишній; но онъ на мѣстѣ, а пропущенъ въ первомъ стихѣ весьма кстати; тутъ какъ бы по неволѣ изумясь сдѣлаешь растановку:

— U U — — U U —

Сбилъ, сколотилъ — вотъ колесо;

— U U — U — U U —

Сѣлъ да поѣхалъ — ахъ хорошо!

U U — U U —

Оглянулся назадъ —

U U — U U —

Однѣ спицы лежать!

Это сложено удивительно складно: внезапный переходъ, на третьемъ стихѣ, къ двумъ краткимъ, когда готовишься на долгій слогъ, какъ нельзя лучше выражаетъ

изумленіе того, кто оглянулся. Нельзя также не согласиться, что во всѣхъ размѣрахъ этихъ непримѣръ болѣе свободы и раздолья, чѣмъ въ тяжкихъ, однообразныхъ путахъ бесмѣннаго ямба или хоря.

Риѳма или просто созвучіе не всегда бываютъ въ концѣ стиха, или каждой изъ двухъ частей пословицы, какъ на пр.: «Много лихости, мало милости;» «Не проси у богатаго, проси у тороватаго;» «Ни то ни се кипѣло, да и то пригорѣло;» «Взвыла да пошла изъ кармана мошна» и пр., а иногда и на другихъ словахъ, среди стиха, но всегда на такихъ, кои требуютъ отлики, ударенія, вниманія:

«И скаталь было и сгладиль, да все врозь расползлось;»

«Отъ сумы, да отъ тюрьмы, никто не отрекайся,»

«Видалъ, какъ мужикъ медь ѣдалъ — инъ мнѣ не даль.»

Бываетъ и по нѣскольку риѳмъ сряду:

«Самъ тощъ, какъ хвощъ, и живетъ тоненько, да помаленьку;»

«Я за качанъ — меня по плечамъ; Я за вилокъ — меня за високъ;»

«Сало было, стало мыло;»

«Рушай варено, слушай говорено;»

въ двухъ послѣднихъ, что ни слово, то риѳма.

«Уйдемъ всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ, а домъ подопремъ коломъ;»

шесть одинаковыхъ риѳмъ. Есть созвучія цѣлаго слова, и полныя риѳмы въ два и три слога: «Ему, про Тараса, а онъ: полтараста;» «Не подь дождемъ, подождемъ.» Но большая часть пословицъ безъ краснаго склада и безъ правильнаго, однороднаго размѣра; ладъ или мѣра въ нихъ однако есть, какъ во всякой складной, короткой речи, и ладъ этотъ даетъ ей пѣвучесть и силу.

Игра словъ, по обоюдности ихъ значенія, не совсѣмъ въ нашемъ вкусѣ, но мѣстами попадаетъ: «Для почину, выпить по чину;» «Спать долго, жить съ долгомъ;»

«Туть пруть, а тамъ жгутъ;» пруть — напираютъ, и розга; жгутъ — палятъ огнемъ, и витень, плеть. «Что будетъ, то будетъ; а еще и то будетъ, что и насъ не будетъ.» «Объдалъ бы, да не объдалъ бы.» «Пригодень лукъ и къ бою и ко щамъ,» и пр.

Ко внешней одеждѣ пословицъ надо отнести и личные имена. Они большею частію взяты наудачу, либо для риѣмы, созвучія, мѣры; таковы, на пр., пословицы, въ коихъ поминаются: Мартынъ и алтынъ, Иванъ и болванъ, Григорій и горе, Петракъ и батракъ, Мокей и лакей и пр. Можетъ быть нѣкоторыя имена и взяты начально съ извѣстныхъ въ самомъ тѣсномъ кругу лицъ, а пословицы сдѣлались общими, не рѣдко также имена эти попадали изъ сказокъ, рассказовъ, гдѣ люди извѣстныхъ свойствъ обычно носятъ одно и то же имя, за которымъ, и въ пословицахъ, осталось то же самое значеніе: Иванушка и Емеля дурачки; Омокъ и Сергѣй воры, плуты; Кузька

горемыка; Марко богачъ; отъ этихъ понятій сложились и особыя выраженія: обьемелить кого, обмануть, одурачить простачка, обсерижить, поддеть ловко, хитро; ѳомкою, на языкѣ мошенниковъ, зовется большое долото или одноручный ломъ, для взлома замковъ; подкузмить кого, поддѣть, обмануть, обидѣть и пр.

Во внутренней одеждѣ, въ пословицахъ нашихъ можно найти образцы всѣхъ прикрасъ риторики, всѣ способы окольнаго выраженія; не знаю, стоитъ ли на этомъ останавливаться, но приведу поповшіеся подь руку примѣры: **Метафора**: онъ себѣ залилъ за шкуру сала. Его голыми руками не возьмешь. На него надо ежовыя рукавицы. **Алегорія**: Угорѣла барыня въ нетопленной горницѣ. Хорошо пахать на печи, да заворвачивать круто. **Ипербола**: У каменнаго попа, ни желѣзной просвиры. У него каждая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита. **Метонимія**: Сытое брюхо къ ученю тупо. Зеленый сѣдому не указъ. **Синекдоха**: Семеро топоровъ вмѣстѣ лежать, а двѣ прялки врознь. **Чѣмъ**

бы салу рычать, анъ телега скрыпить.
Иронія: Исплошила зима сватыю въ
лѣтнемъ платьѣ. Жаль дѣвки — потеряли (а
сгубили) парня. Противоположность:
Воложный столь — тощій карманъ. Дальше
положишь, ближе возьмешь. Извращеніе:
Не похорошу миль, а помилу хорошъ. Надъ
грѣхомъ старосты нѣтъ, а живетъ грѣхъ и
надъ старостой. Двусмысліе: Иная вода
стоитъ крови (слезы). Смертью люди
живутъ (гробовщики).
Лицетвореніе: Авоська веревку вьетъ,
Небоська петлю закидываетъ. Весна
говоритъ: уклочу; осень говоритъ: а вотъ я
еще погляжу. Условность: Либо коня
добраго держи, либо кнутъ. Либо кланяться
(просить), либо чваниться. Опущеніе,
недоговорка: Матушка рожь кормитъ всѣхъ
дураковъ сплошь, а пшеничка (кормитъ
дураковъ) по выбору. Отъ старыхъ
дураковъ молодымъ (дуракамъ) житья
нѣтъ.

Перехожу наконецъ къ объясненію
подборки и расположенія пословиць.
Обычно, сборники эти издаются въ

азбучномъ порядкѣ, по начальной буквѣ пословицы. Это способъ самый отчаянный, придуманный потому, что не за что болѣе ухватиться. Изреченія нанизываются безъ всякаго смысла и связи, по одной случайной, и притомъ нерѣдко измѣнчивой, внѣшности. Читать такой книги нельзя: умъ нашъ дробится и утомляется на первой страницѣ пестротой и бесвязностію каждой строки; приискать, что понадобилось, нельзя; видѣть, что говорить народъ, о той, либо другой сторонѣ житейскаго быта, нельзя; сдѣлать какой нибудь сводъ и выводъ, общее заключеніе о духовной и нравственной особености народа, о житейскихъ отношеніяхъ его, высказавшихся въ пословицахъ и поговоркахъ, нельзя; относящіяся къ одному и тому же дѣлу, однородныя, неразлучныя по смыслу пословицы разнесены далеко врознь, а самыя разнородныя поставлены сподрядъ; остается самому читателю сдѣлать то, что могъ бы подготовить издатель: подобрать однородныя пословицы; но для этого надо

прочитать всю книгу и, надѣлавъ свои замѣтки, выписывать сотни, а можетъ быть и тысячи строкъ. Такъ называемые указатели по предметамъ мало достигаютъ цѣли своей; рѣдко находишь, чего ищешь, да сверхъ того, въ такомъ указателѣ приходится выставлять сотни, даже до тысячи цифръ или указаній, подъ однимъ, общимъ для нихъ оглавкомъ. Словомъ, азбучный сборникъ можетъ служить развѣ для одной только забавы: чтобы, заглянувъ въ него, поискать, есть ли въ немъ пословица, которая мнѣ взбрела на умъ, или она пропущена? И странно, что игрушка эта очень заманчива: большая часть видѣвшихъ мой сборникъ въ рукописи находили въ немъ именно тотъ недостатокъ, что нельзя найти тотчасъ пословицу, которая имъ приходила на умъ. Но пословицу, которую я уже знаю, мнѣ и отыскивать недлячего; если же я это дѣлаю, желая пополнить сборникъ, то мнѣ легче пробѣжать въ немъ тотъ разрядъ, къ которому моя пословица, по смыслу своему, относится, чѣмъ перечитывать съ

отмѣтками цѣлую книгу такого объема, расположеную въ азбучномъ порядкѣ, для отысканія въ ней и собранія въ одно пословицъ извѣстнаго направленія и смысла. Сверхъ сего, къ моему сборнику гораздо легче придѣлать полный азбучный указатель, по начальной буквѣ пословицы, чѣмъ на оборотъ, къ азбучному сборнику, указатель по смыслу пословицъ.

Есть Нѣмецкіе и Французскіе сборники, гдѣ издатели, чувствуя всю нелѣпость обычнаго азбучнаго подбора по начальной буквѣ пословицы, прибѣгнули къ средней мѣрѣ, принявъ азбучный же порядокъ, но по тому слову въ пословицѣ, которое имъ казалось главнымъ, на которомъ пословица, все таки по внѣшней одеждѣ своей, сложена. И это однако признакъ не существенный, служащій развѣ только къ тому, чтобы видѣть, какіе предметы избралъ народъ, для обстановки своихъ картинъ. И этотъ порядокъ далеко разноситъ врознь, не только дружки въ пословицахъ, но даже и ровни: «Козель по горамъ, и баранъ по горамъ;» «Куда конь

съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней;»
«Утки въ дудки — тараканы въ барабаны» и
пр. Эти пословицы должны бы стать тамъ
подъ разныя буквы, по словамъ: козелъ,
баранъ, конь, ракъ, утка и пр. Тогда
какъ здѣсь и дудки и бараны и тараканы
лицедѣи вовсе посторонніе, а смыслъ
одинъ, или весьма близокъ къ одному:
переимчивость, примѣръ,
подражаніе; и вотъ то мѣсто, тотъ
разрядъ, куда всѣ подобныя пословицы
слѣдуютъ: а ихъ наберется сотня, можетъ
быть и болѣе.

Расположеніе пословицъ по смыслу ихъ,
по значенію внутренему, переносному, какъ
притчъ, кажется самое вѣрное и толковое.
Въ какой мѣрѣ задача эта вообще
исполнима, можно ли сдѣлать это сразу, и
на сколько подсудимый вамъ собиратель въ
этомъ успѣлъ — другой вопросъ; мы
говоримъ только о правилѣ, о началѣ, на
какомъ разумно можно оснаться. Не
сомнѣваюсь, что это лучший изъ всѣхъ
порядковъ, въ какомъ бы можно было
представить всѣ народныя изречія, для

обзора, сравненія, оцѣнки и уразумѣнія ихъ, и для общаго изъ нихъ вывода.

Сборникъ Богдановича попался мнѣ гораздо позже этой затѣи (какъ и вообще всѣ сборники были добыты мною, когда уже запасы мои порядочно накопились), и я увидѣлъ, что имъ уже сдѣлана была подобная попытка; но у него всего одна тысяча, и при томъ своихъ, пословицъ, въ стишкахъ, за всѣмъ тѣмъ однако, первенство въ этомъ дѣлѣ, у насъ по крайности, остается за нимъ. Какъ второй изобрѣтатель, я не могу у него отбить почину.

И такъ, я растрюгалъ десятки тысячъ, собранныхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, пословицъ, поговорокъ и тому подобныхъ реченій и, вынимая ихъ изъ короба, какъ онѣ попадались, обозначалъ на каждой однимъ словомъ значеніе, смыслъ, предметъ, къ коему каждая относится. Такимъ образомъ составились сами собою, безъ всякаго предварительнаго умствованія, оглавки разрядовъ, около стаосмидесяти, въ кои вошло все, что было собрано по

крохѣ. За тѣмъ, я принялся снова за каждый разрядъ и старался подобрать въ немъ пословицы въ нѣкоторой послѣдовательности и связи, по тому же ихъ значенію.

При такомъ расположеніи довольно полного сборника, я уже не только тѣшусь острою той либо другой пословицы, но вижу въ нихъ одну общую и цѣльную картину, въ которой есть болѣе глубокий смыслъ и значеніе, чѣмъ въ одиночныхъ замѣткахъ. Это перегонъ или выморозки ума цѣлыхъ поколѣній, во образѣ своего роднаго быта, съ приправою всего, что только касалось этого насущнаго и умственного быта. Я могу за одинъ разъ вникнуть плотскимъ и духовнымъ глазомъ своимъ во все, что народъ сказалъ о любомъ предметѣ мірскаго и семейнаго быта: и если предметъ близокъ этому быту, если входитъ въ насущную его жизнь, то народъ — въ этомъ можете быть увѣрены — разглядѣлъ и обсудилъ его кругомъ и со всѣхъ сторонъ, составилъ объ этомъ устные приговоры свои, пустилъ ихъ въ ходъ, и

рѣшенія своего не измѣнить, покуда развѣ не измѣнятся обстоятельства. А чего нѣтъ въ приговорахъ этихъ, то и въ насущности до народа не доходило, не заботило, не радовало и не печалило его.

Противъ этого сдѣлано было странное замѣчаніе: одна де пословица противорѣчитъ другой, на приговоръ есть приговоръ, и не знаешь чего держаться. Не знаю, кого бы это смутило: развѣ можно обнять предметъ многосторонній однимъ взглядомъ и написать ему приговоръ въ одной строкѣ? Въ томъ то и достоинство сборника пословицъ, что онъ даетъ не однобокое, а полное и круглое понятіе о вещи, собравъ все, что объ ней, по разнымъ случаямъ, было высказано. Если одна пословица говоритъ, что дѣло мастера боится, а другая добавляетъ, что иной мастеръ дѣла боится — то очевидно обѣ правы: не равно дѣло, и не ровень мастеръ.

Другой укоръ основательнѣе: у меня въ сборникѣ множество повтореній, частію намѣренныхъ, и въ этомъ порядкѣ неизбежныхъ, потому что одна и таже

пословица подходитъ подъ разныя значенія и разряды; частію же и по недосмотру, не достало памяти; пробѣгая эти бесконечныя ряды, тупѣешь, и не помнишь, что уже было, а чего не было. Но какъ бы строго не судить за это, все кажется грѣхъ не великъ, и менѣе важенъ, чѣмъ неполнота и пропуски. Не оправдываясь, впрочемъ, въ излишнихъ повтореніяхъ, я, однако же, прошу обратить вниманіе на то, что много пословицъ помѣщено вдвойнѣ и втройнѣ, съ небольшимъ измѣненіемъ, которое придаетъ пословицѣ иное значеніе, иной смыслъ, требовавшій помѣщенія ея въ этомъ видѣ, подъ другимъ заголовкомъ.

Не менѣе основательно будетъ и то порицаніе, что я далеко не выполнилъ своей задачи, что пословицы не рѣдко попадали не на свое мѣсто, подборка не очищена, нѣтъ строгой послѣдовательности. Въ доказательство того, что самъ собиратель это понималъ и видѣлъ, выпишемъ, что онъ писалъ объ этомъ еще въ 1853 году: «Когда я подвинулся уже довольно далеко въ разборкѣ этой громады, то убѣдился, что

трудъ этотъ мнѣ не по силамъ и меня одолѣеть. Служба, недосуги и недуги замяли меня и не дали мнѣ заняться дѣломъ этимъ сподрядъ, а только урывками; голова вскружилась, и я растерялся. Не менѣе того, я продолжалъ, какъ могъ, полагая, что не лучше же будетъ бросить начатое и кончить тѣмъ, чтобы ничего не сдѣлать.»

Прибавлю къ этому, что такой работѣ, впрочемъ, и конца нѣтъ: можно подчищать, перемѣщать и подраздѣлять порядки по вкусу, взгляду и разумѣнію своему, сколько угодно; благо запасъ собранъ и сохраненъ. Куль муки набить; надѣюсь, онъ уже не наткнется болѣе на такихъ цѣнителей, которые бы стали подыскиваться подъ отраву.

Какъ бы то ни было, но разобравъ пословицы свои въ этомъ порядкѣ и сознавая, что слѣдовало бы начать дѣло съ начала и перебрать ихъ вновь, я порѣшилъ однако же, развязаться съ этой работой, потому что меня ждала другая, болѣе важная, а жить осталось не много. Въ

какомъ бы порядкѣ или беспорядкѣ ни былъ сложенъ запасъ мой, подумаль я, лишь бы собрано и записано было то, сто изникаеть въ глазахъ нашихъ, какъ вешній ледъ. Печатать сборника своего я въ то время и не думаль — мы видѣли выше тогдашнія понятія объ этихъ вещахъ передовыхъ просвѣтителей нашихъ — положиль его въ сторону и сталъ приводить въ порядокъ прочіе свои запасы: пѣсни, коихъ у меня было, впрочемъ, не много, отослаль я покойному И. В. Кирѣевскому; сказки, стоъ до шести, въ томъ числѣ и много всякаго вздору, А. Н. Аѳанасьеву; а на свою долю оставиль одно: запасы для Рускаго словаря.

Но, пришли другія времена, и мнѣ казалось, что пословицы могутъ быть нынѣ напечатаны. Я собирался уже, одолѣвая всѣ губернскія затрудненія, приступить въ Нижнемъ къ печати, какъ добрая судьба моя захотѣла успокоить меня другимъ путемъ, удаливъ отъ служебныхъ занятій и давъ подъ старость время и свободу на другое. Въ Москвѣ, Общество Любителей

Россійской Словесности тотчасъ предложило принять на себя изданіе сборника; но много лѣтъ тому назадъ (еще въ началѣ 1848 года), предложеніе это было уже сдѣлано мнѣ О. М. Бодянскимъ, отъ имени Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, и потому я нынѣ съ признательностію передалъ туда свой сборникъ. Замѣчу еще, что какъ онъ печатался для «Чтеній» въ Обществѣ, то я и долженъ былъ подчиниться, какъ въ наружномъ видѣ изданія, такъ и въ правописаніи, принятымъ тамъ правиламъ, почему правописаніе и рознить съ издаваемымъ, въ то же время, словаремъ моимъ, и съ этимъ предисловіемъ.

Что, если бы каждый любитель языка нашего и народности, пробѣгая на досугѣ сборникъ мой, дѣлалъ замѣтки, поправки и дополненія, на сколько у кого достанетъ знанія и памяти, и сообщалъ бы замѣтки свои, куда кому сподручнѣе, для напечатанія, или передавалъ бы ихъ собирателю — неправда ли, что слѣдующее

изданіе, если бы оно понадобилось, могло бы оставить далеко за собою первое?

Дружно — не грузно, а одинъ, и у каши загинетъ.

В. ДАЛЬ.